

Продолжаем начатую в № 3 (47) публикацию материалов, посвященных 80-летию Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории.

Автор и координатор проекта Д. Ю. Брагинский, редакция

Galina FEDOROVA Recalling the school and those distant times...

Recollections about the Secondary special music school by Galina Fedorova, an Honoured Artist of the Russian Federation, Professor of the Special Piano Department of the St. Petersburg Conservatory. Her professional activities started even before the school was established — in the special children's group of the Leningrad Conservatory where she was enrolled in 1933. It's worth noting that in 2016 G. P. Fedorova celebrated not only the 80th anniversary of her beloved school, but also her own 90th birthday as well as 65th anniversary of her academic activities.

Keywords: G. P. Fedorova, Secondary Special Music School of the St. Petersburg Conservatory, piano classes, Tashkent, L. F. Linde, L. V. Nikolaev, S. I. Savshinsky, P. A. Serebryakov, I. D. Glikman.

Галина ФЕДОРОВА Вспоминаю школу и те далекие годы...

Воспоминания о школе-десятилетке Галины Петровны Федоровой — Заслуженной артистки России, профессора кафедры специального фортепиано Санкт-Петербургской консерватории. Ее творческая биография начинается еще до создания школы, в Особой детской группе Ленинградской консерватории, в которую она поступила в 1933 году. Знаменательно, что 2016 год стал для Галины Петровны годом празднования не только 80-летия любимой школы, но и собственного 90-летия, а также 65-летия педагогической деятельности.

Ключевые слова: Г. П. Федорова, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, фортепианные классы, Ташкент, Л. Ф. Линде, Л. В. Николаев, С. И. Савшинский, П. А. Серебряков, И. Д. Гликман.

Меня приняли в Особую детскую группу Ленинградской консерватории в 1933 году. Экзамен проходил в классе № 5, в комиссии были Л. В. Николаев, О. К. Калантарова, М. О. Штейнберг. Я сыграла две небольшие пьесы и еще одну, своего сочинения. Моим первым педагогом стала Лина Федоровна Линде — ученица Ф. М. Блуменфельда, замечательный педагог, давший своим ученикам прекрасную фортепианную школу. Всего в Особой группе тогда было около двадцати пяти человек. Все педагоги относились к нам с трогательным вниманием и душевной теплотой. Так как занятия по общеобразовательным предметам в консерватории были только с 4 класса, то приходилось совмещать музыкальные занятия с районной общеобразовательной школой. Хорошо помню то время: мне надо было ездить в консерваторию на трамвае, который шел тогда по улице Плеханова (ныне опять Казанской), потом немного по каналу Грибоедова и выходил на улицу Декабристов у самой консерватории. Вагоны его были огромные, а назывался он почему-то «американкой» и ужасно грохотал.

Концерты учеников Особой группы проходили в разных залах. Помню свое первое публичное выступление: оно было в ДК имени Первой пятилетки — здании, недавно разрушенном при строительстве второй сцены Мариинского театра. В январе 1934 года я выступала в Большом зале филармонии на «смотре юных дарований» разных районов города. Помню также концерт в январе 1935 года, посвященный IV съезду партии, тоже в Большом зале филармонии, где я играла траурный марш памяти С. М. Кирова собственного сочинения. Концерты класса Л. Ф. Линде были в Малом зале консерватории. Репетировали мы всегда ночью, так как днем зал был постоянно занят. Воспоминания о тех годах я с любовью храню в своей памяти.

В 1936 году Особая группа слилась с инструментальными классами Капеллы и стала школой-десятилеткой. Так я стала ее ученицей. Заниматься я продолжила у Л. Ф. Линде, по композиции — у Л. Л. Штрейхер. Уже в начале своей деятельности — в апреле 1937 года — школа послала в Москву нескольких учеников на «Все-

ЛЕН. ГОС. ФИЛАРМОНИЯ
БОЛЬШОЙ ЗАЛ
Ул. Ласоля, 2

8-е АПРЕЛЯ 1937 г.

К О Н Ц Е Р Т

УЧАЩИХСЯ ШКОЛЫ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОНСЕРВАТОРИИ

ПРОГРАММА:

Отделение 1-е

1. Чайковский — Вальс
2. Рубинштейн — Неаполитанская песня в обр. В. А. Румшенич
исп. Камерный ансамбль в составе:
Сусанна Иванова (ф-п.)
Гриша Лучкин (скрипка)
Миша Дифшиц (виолончель)
3. Моцарт — Фантазия
4. Шопен — Ноктюрн
5. Берман, Ялик — Мазурка
6. Герфурт — Концертино
исп. Руслан Асан (труба)
партию ф-п. исп. Е. М. Гольдфельд
7. Шопен — Ноктюрн } исп. Валя Никифорова (ф-п.)
8. Вальс
9. Тартини — Дьявольские игры
исп. Евгений Михайлов (скрипка)
партию ф-п. исп. Т. Б. Чернявская
10. Шопен — 2 вальса №№ 11 и 12
11. Шуберт — Экспромт
исп. Галина Федорова (ф-п.)
12. Римский-Корсаков — Песня Индийского гостя
13. Сен-Санс — Рондо каприччиозо
исп. Ира Эткин
партию ф-п. исп. С. Вакман
14. Моцарт — Адажио
15. Шопен — Этюд
16. Каравайчук, Олег — Китайский тенец
17. Кольбельная
исп. Олег Каравайчук (ф-п.)

Отделение 2-е

18. Шуберт — Прокофьев — Вальсы, соннеты в сюиту
19. Толстой, Дмитрий — Прелюдия и изюрия
исп. Дмитрий Толстой (ф-п.)
20. Чайковский — Романс
исп. Иосиф Галкин (кларнет)
партию ф-п. исп. Е. М. Гольдфельд
21. Шопен — 3-я баллада — исп. Мария Менклер (ф-п.)
22. Форэ — Грезы
23. Пьяцци — Тарантелла
24. Римский-Корсаков — Штрикер — Шмель
25. Каравайчук, Олег — Кольбельная
исп. Дана Шафран (виолончель)
партию ф-п. исп. Е. М. Гольдфельд
26. Бутяевич, И. — Лягушка и финал из сонаты
27. Шопен — 2 этюда — исп. Игорь Бутяевич (ф-п.)
28. Витали — Чаконья — исп. Борис Горюдинский (скрипка)
29. Лист — Ноктюрн
30. Риголетто — исп. Вера Карновская (ф-п.)

Ленинград 7/IV 1937 г. Тираж арг. „Сов. Печ.“. Зак. 2480. Тираж 500

союзный смотр юных дарований». В их числе была и я. Мы играли в Большом зале Московской консерватории. Рецензии на концерты поместили московские и ленинградские газеты.

В школе были прекрасные педагоги по всем предметам. Я помню их по сей день: Ю. А. Мирский, В. А. Лаубе, С. С. Кокорев и другие. Мы их любили, и они нас тоже. Мы позволяли себе безобидные шалости, а в шестом-седьмом классе иногда после уроков оставались в классе, закрыв двери, и танцевали модные тогда фокстрот и танго под аккомпанемент одного из нас, по очереди. Все годы занятий в школе были для меня очень значительными и успешными в музыкальном отношении и в приобретении знаний по другим предметам.

И вот окончился восьмой класс. 20 июня 1941 года мы с мамой поехали отдыхать на Рижское взморье в Дзинтари. Первую ночь ночевали еще в пустой даче, а 21 июня ночью проснулись от грохота сотрясающихся дверей. Думали, что происходит нападение на дачу. А то были содрогания от взрывов на взморье. Так нас застало начало войны, и узнали мы «о вероломном нападении Германии» утром из речи Молотова по радио. Доехав до Риги, мы быстро собрали вещи и поехали в Ленинград. Ехать надо было в кузове грузовика. Нас охраняли советские военные, стоявшие по углам с ружьями, чтобы защищаться от «пятой колонны», стрелявшей с крыш домов. На остановках к машине подходили простые русские женщины с хлебом и бутылочками молока в руках и просили: «Возьмите, милые, скоро и мы такими же будем». Ехали больше недели, с пересадками в Пскове и Порхове. В первых числах августа доехали наконец до Ленинграда. 10 августа я прибежала в школу и оказалась там нужной. Несколько старшеклассников

и я в их числе ночевали в школе на третьем этаже, в Малом зале, на специально поставленных для этого кроватях. Мы дежурили на случай попадания «зажигалок» на крышу школы, для их тушения. Но в это время было еще тихо. Бомбежки города начались в сентябре.

В середине августа стало известно об эвакуации школы и консерватории в Ташкент. 22 августа тронулся в путь эшелон, состоявший из пятнадцати «теплушек» и двух плацкартных вагонов для педагогического состава. На второй день на станции Мга поезд остановился из-за разбомбленного ночью впереди идущего поезда. Стояли долго, пока не расчистили пути, и ехали потом с малой скоростью. «Теплушки» не имели никаких удобств: два этажа, оба из досок, на остановках приходилось быстро выскакивать. Обо всех трудностях дороги рассказать невозможно. Но мы бодрились и терпели все, надеясь, что через два-три месяца вернемся в Ленинград.

25 августа мы добрались до Ташкента. Нас разместили в Клубе швейников. Это был дом культуры, имеющий большой зал и помещения для занятий. Первое время пришлось жить в концертном зале. Семьи ограждались друг от друга рядами скрепленных между собой стульев. Так прошел первый месяц. Потом всех разместили в Доме ученых. Несмотря на разного рода трудности, бодрость духа нас не покидала, и ташкентские годы оказались плодотворными. Школьники жили в комнатах по 12–15 человек. Заниматься можно было только рано утром в Клубе швейников на привезенных из Ленинграда роялях. Вставали в шесть утра и шли группами по темным улицам. Были случаи нападения на нас по дороге: у меня так сняли с головы меховую шапку, а у взрослых отбирали карточки на хлеб. Иногда мы шли в школу

голодные, так как машины с хлебом и продуктами опаздывали. Хлебом называли лепешку из темной муки. Даже отъезды на хлопок и другие полевые работы не мешали нам потом нагонять упущенное время, заниматься, играть на концертах. Летом мы работали на подсобном хозяйстве, на небольшом участке земли, выделенном городскими властями для консерватории. От южного летнего солнца многие чувствовали себя плохо, а у меня от перегрева к вечеру поднималась температура до 40–41 градусов.

Так как Л. Ф. Линде осталась в Ленинграде и там умерла, меня принял в свой класс Л. В. Николаев. Я мечтала об этом и была, конечно, счастлива. Особенности пианистической школы Леонида Владимировича мне очень подошли, и я почувствовала, что приобретаю многое необходимое для меня. В тот год я выучила под его руководством целый ряд значительных произведений, которые затем прочно вошли в мой репертуар. Леонид Владимирович занимался с учениками в зале, и на его занятия могли приходить все желающие. Но счастье заниматься у него длилось недолго. В октябре 1942 года Николаев умер от тифа. Несколько его учеников были в это время на сборе хлопка, и нас не пустили попрощаться с любимым учителем. В том же октябре умерла моя бабушка, принимавшая большое участие в моих музыкальных делах и подготовившая меня к поступлению в Особую группу. В этом случае меня отпустили с хлопка, и я смогла проводить в последний путь свою любимую бабушку. На ее могиле я бывала и после возвращения в Ленинград, когда ездила на гастроли в Узбекистан. Теперь могилу навещает моя бывшая студентка Светлана Кузина, которая живет и работает в Ташкенте.

Много событий из жизни консерватории и школы произошло именно в Ташкенте: например, исполнялась только что написанная Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича по присланной из Ленинграда партитуре. Дирижировал И. А. Мусин. В 1942 году торжественно отмечалось 80-летие Ленинградской консерватории. Юбилею было посвящено пять концертов, в одном из них участвовала школа. Сохранилась программка концерта, в котором я играла вместе с Борисом Гутниковым. В 1943 году мне выпала честь сыграть с оркестром Первый концерт П. И. Чайковского. Дирижировал Д. А. Румшевич.

После смерти Л. В. Николаева меня в свой класс взял С. И. Савшинский. Он снимал маленькую квартиру и занимался дома. У него я училась в десятом классе и на первом курсе консерватории. За это время я успела выучить много нового. Занятия по всем предметам вели в Ташкенте те же первоклассные педагоги. В девятом

и десятом классах литературу преподавал И. Д. Гликман. От встреч с ним мы получали не только знания, но и удовольствие.

И вот наконец настал долгожданный день — возвращение в Ленинград. Опять «теплушки» и те же трудности. Случилось и худшее: в одном из вагонов деревянные настилы были пропитаны разлившейся ранее ртутью. Через два-три дня заболели несколько человек. Их сняли с поезда. Один из них умер, еще несколько человек из поезда остались инвалидами.

В начале сентября 1944 года мы вернулись в Ленинград. Я была уже студенткой второго курса. С этого года я начала заниматься у П. А. Серебрякова. В то время звучало много музыки русских композиторов. Были в консерватории конкурсы и на лучшее исполнение музыки советских композиторов. В 1946 году я даже получила первое место и денежную премию за исполнение произведений Шостаковича и О. А. Евлахова. В 1947 году в Праге проходил Первый Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В его рамках состоялся конкурс музыкантов-исполнителей: пианистов, виолончелистов и скрипачей. Я принимала участие в нем, пройдя все отборы в Ленинграде и Москве, и стала его лауреатом. В нем также участвовали ставшие потом очень известными М. Ростропович, Л. Коган, Т. Николаева.

В 1948 меня приняли в школу-десятилетку работать в качестве педагога. Мне дали трех учеников — И. Френкель, И. Туман и Т. Кудинову. Я занималась с ними с 1948 по 1950 год. Но так как после конкурса у меня было много гастрольных поездок и я стала заниматься в аспирантуре, то пришлось школу оставить. Нельзя было оставлять еще юных музыкантов на большие отрезки времени. В 1950 году в моей жизни состоялось еще одно важное событие: Международный конкурс имени И. С. Баха в Лейпциге, на котором я стала лауреатом второй премии. В 1951, закончив аспирантуру, я начала преподавать в Ленинградской консерватории. Позднее в разные промежутки времени у меня в классе учились выпускники школы-десятилетки: Н. Пирунова, Н. Грачева, А. Алферова, Е. Дубкова, С. Шамаева, О. Чумикова. Всех их отличала отличная профессиональная подготовка, потому что в школе всегда были и есть замечательные музыканты-педагоги.

Все мои исполнительские и педагогические успехи связаны, безусловно, с фундаментом, который был заложен в годы учения в школе, и я бесконечно благодарна всем ее педагогам, не только музыкантам, но и всем учителям, давшим мне общее образование. Хочется поздравить с юбилеем школу и ее педагогов и пожелать любимой десятилетке дальнейшего процветания.

Записала Д. А. Варуль